

И. А. Худяков. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969; 439 стр. с илл.

Имя И. А. Худякова, революционера-демократа и талантливого фольклориста, павшего жертвой царского самодержавия, хорошо известно не только специалистам, но и широкой общественности. За свою короткую жизнь И. А. Худяков успел внести значительный вклад как в русскую фольклористику, так и в изучение далекой и тогда мало известной Якутии.

Находясь в беспрерывной якутской ссылке, он нашел в себе силы для того, чтобы изучить язык якутов, записать образцы их устного народного творчества и собрать громадный материал об образе жизни этого народа в Верхоянском округе.

При жизни И. А. Худякова ни одна из его работ, посвященных якутам, не увидела света. Только в 1890 г., через 14 лет после смерти исследователя, в Иркутске был опубликован «Верхоянский сборник» — перевод текстов устного народного творчества якутов, записанных И. А. Худяковым. Эта работа впервые познакомила как специалистов, так и широкие круги читателей с замечательными якутскими фольклорными произведениями и была высоко оценена критикой.

Более ста лет оставалась неизвестной якутоведам другая большая работа И. А. Худякова — «Краткое описание Верхоянского округа». Издание ее, предпринятое Институтом русской литературы (Пушкинский дом) и Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР, представляет значительное событие в сибиреведении.

Рецензируемая работа — первое подробное описание якутов, созданное за три десятилетия до опубликования знаменитого труда В. Л. Серошевского «Якуты». С появлением на свет этой работы, являющейся важным этнографическим источником, созданным в результате длительного стационарного изучения верхоянских якутов, изменились наши представления об истории этнографического изучения якутов. Важно и то, что наблюдения производились не просто любителем, а опытным фольклористом-исследователем.

Труд И. А. Худякова состоит из 16 глав. Первые две посвящены физико-географическим условиям, растительности и животному миру Верхоянского округа; две последние — жизни русского населения и ламутов (эзенов). Материал основной части глав — это этнографическое описание якутов, преимущественно описание их духовной культуры.

Характеристика верхоянских якутов в работе начата с изложения записанных автором исторических преданий (гл. V), свидетельствующих о том, что якуты проникли в верховья Яны одновременно с приходом русских на Лену и что между якутскими родами Верхоянья происходили кровавые распри, прекратившиеся после того, как край вошел в состав Русского государства.

В главе VI рассказано о нормах обычного права якутов: о системе наследования и правилах передела общинных сенокосов, об использовании охотничьих рыболовецких угодий, об уравнительном распределении охотничьей добычи (мяса) и об обычае гощения и т. д. Из приведенных в книге материалов можно сделать вывод о широком бытовании у якутов в середине XIX в. общинных порядков.

Описывая общественную жизнь якутов, И. А. Худяков остановился на системе сбора ясака, лихоимстве местной русской администрации, взяточничестве, злоупотреблениях, на крайне низкой оплате труда батраков.

Глава VII посвящена якутским играм. Из их описания видно, что подвижные игры представляли собой подражания движениям животных, птиц; были распространены также и игры, заимствованные у русских.

Сватовство, выплата калыма, церемония переезда невесты к мужу и обряд возжигания ею огня в его доме, свадебный пир, свадебные благословения подробно описаны в VIII главе.

Большой материал о семье и родильных обрядах, изложенный в IX главе знакомит нас с бытом якутов середины XIX в. Правдивое описание нищенской одежды рядовых якутов, антисанитарных условий, в которых они жили, позволило автору нарисовать яркую картину бедственного положения населения. Собирая сведения со слов рассказчиков, И. А. Худяков пришел к заключению о крайне жестоком, граничащем с изуверством обращении мужей с женами, о скупости глав семей, обделяющих пищей своих детей. Следует, однако, отметить, что семейный быт якутов представлен в работе в излишне мрачном виде. Видимо, это произошло потому, что единичные случаи были приняты автором «Описания» за правило. В то же время в главе серьезно аргументировано положение об общем приниженном положении женщин, приведены многочисленные примеры запретов для невесток и ограничений для беременных женщин и т. д.

Автор собрал также большой и ценный материал об обстановке, в которой проходили роды, о родильных обрядах — встрече и проводах покровительницы родов,

богини Айыыхыт, об оберегах от черта для детей, о воспитании детей (как известно, имеющиеся в литературе сведения об этом крайне скудны).

В главе X сосредоточен материал о якутских юртах, хотонах (хлевах), камелька (камнинах), летних и зимних поселениях. Однако автора, видимо, не столько интересовали конструктивные особенности якутских жилых и хозяйственных построек, сколько связанные с ними обряды и обычаи. В главе детально изложены обряды, совершавшиеся при переезде в новую юрту, представления о духах-хранителях жилища.

Круг вопросов, связанных с охотой и рыболовством, освещен в главе XI. И. А. Худяков лишь бегло коснулся самой техники промысла, но тщательно описал все обряды, связанные с охотой: заклинания огня, призывания духа леса Байаная, а также благодарственные обряды, выполняющиеся после добычи ценных пушных зверей, 1 т. д.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в охотничьих обычаях верховянки якутов запечатлелось больше архаических черт, чем в соответствующих обычаях других групп якутов. Автор отметил также, что отправляясь на промысел, верховянки якуты-охотники заменяли общераспространенные слова особыми с тем, чтобы их действия не были заблаговременно распознаны зверем; в работе приведен большой список таких эвфемизмов. Многочисленные магические правила соблюдались при рыбной ловле. Интересны обряды, устраивавшиеся при добыче лося (голову, горло и сердце при разделке туши не отделяли, кости сохатого не бросали в огонь). Возможно, эти правила были заимствованы верховянками якутами у ламутов, так как в других группах якутского населения такой обряд не зафиксирован.

Обширные материалы были собраны автором об обычаях и верованиях, связанных с рогатым скотом и лошадьми (гл. XII). Заслуживают внимания выявленные И. А. Худяковым детали праздника кумыса — «ысыах» (гл. XIII). Религиозная сущность этого праздника в конце XIX в. была в основном забыта. Имеющиеся описания праздника, как правило, фрагментарны, и материалы И. А. Худякова весьма ценны для изучения этой древней церемонии.

Важные сведения о якутских религиозных представлениях, ныне также в значительной мере забытых, содержатся в главе XIV. И. А. Худяков обратил внимание на то, что каждый род верховянок якутов имел своего покровителя из мира животных. Как ему удалось выяснить, якуты Эгинского наслега считали своим божеством ястреба, Эльгатского — лебеда, Байдунского — мордушку, Батулинского — орла, Юсальского — «сивожелезного» жеребца и т. д. Они почитали своих покровителей особым образом и, что интересно, устраивали в их честь специальные церемонии. Тотемизм, как форма религии, в середине XIX в. еще не был изучен и, столкнувшись с этим явлением, И. А. Худяков попытался объяснить его в духе мифологической школы (стр. 270).

Хотя автор не всегда разграничивает сказочные материалы и верования, несомненную ценность представляют собранные им сведения об «обожании» природы — почитании грома, молнии, небесных светил и т. д.

В разделе этой главы «Поклоняемые» боги» приведена характеристика якутского пантеона, способов почитания божеств. Эти данные, так же как и материалы, сконцентрированные в разделе «Дьяволы и покойники», проливают свет на космологические представления якутов.

Приведенный в этой работе обширный список запретных действий (стр. 231—240), снотолкования, описание способов гаданий, предзнаменований (стр. 397—400) дают богатый материал для понимания особенностей якутских магических верований. Отметим И. А. Худяков также, что на религиозные верования якутов оказали влияние некоторые демонологические представления русских. Например, якуты, так же как и русские, рисовали себе духа оспы в образе бродящей босой русской женщины в красном сарафане.

Для истории религии особый интерес представляет глава XV, в которой рассказывается о колдовстве и шаманстве у якутов. В ней приводятся малоизвестные сведения об этой пока еще слабо изученной форме религии. Отметим прежде всего материалы о посвящении в шаманы, о «воспитании» души будущего шамана, о мучениях, которые он принимает, готовясь стать избранником, о связи шаманства с психическими заболеваниями.

Сведения, собранные И. А. Худяковым о посвящении в шаманы, своеобразной духовной инициации, не только подтверждают, но и дополняют яркие материалы по этому вопросу, опубликованные В. Г. Ксенофонтовым и получившие широкую известность в научных кругах. Не меньшую ценность представляют описания шаманских камланий и соответствующих текстов заклинаний — призываний духов. Запись И. А. Худякова — самая ранняя и пока самая полная из опубликованных шаманских мистерий.

Большая часть заключительной, XVI главы книги посвящена характеристике устного народного творчества якутов. Эта тема, естественно, была особенно близка И. А. Худякову. Способность якутских сказителей запоминать и исполнять произведения, по величине и обилию подробностей не уступавшие Илиаде и Одиссее, поразила исследователя. Изучение творчества якутских песенников позволило автору сделать следующее заключение: «Якутские песни суть постоянно новые импровизации на всевозможные темы и свидетельствуют о больших поэтических способностях этого народа» (стр. 368).

Много внимания автор уделил рассмотрению якутских героических сказаний олонхо. Особый интерес представляют его наблюдения над исполнением этих произведений (их рассказывали вечером, лежа в постели). При этом большое значение имело подбадривание сказителя слушателями.

И. А. Худяков подчеркнул, что якуты в его время рассматривали сказки (так он называл произведения героического эпоса) как повествования об исторических событиях. Действительно, олонхо, наряду с мифами, служило якутам источником для объяснения многих явлений жизни. И. А. Худяков показал, что в олонхо имеются некоторые элементы народной оперы. В связи с этим он остановился на особенностях исполнения олонхосутами песен отдельных персонажей: витязей, их врагов из нижнего мира, волшебниц, женщин-героинь и т. д., осветил традиционные приемы зачина песен. Внимание исследователя привлекла и система якутских поэтических приемов для выражения радости, испуга, гнева, а также сведения о якутских загадках, пословицах, мифах. Материалы, характеризующие якутский фольклор, содержатся и в других главах. Так, тексты напутствий — благословений и проклятий — приводятся в VI главе, заклинаний — в X и XI главах, загадок — в XII. Внимание к этим второстепенным видам фольклора свидетельствует о стремлении Худякова к всеобщему познанию духовной культуры якутов.

Автор затронул и вопрос о влиянии русского фольклора на якутский, показав, что принесенные русскими представления оказались разрушающее воздействие на архаические якутские религиозные верования (стр. 375, 377).

XVI глава привлекает к себе внимание особой публицистической заостренностью. Подчеркнув природную одаренность и любознательность якутов, их наблюдательность и способность к творчеству, автор отметил «отсутствие в Верхоянске какой бы то ни было школы». Он писал о том, что поголовная неграмотность способствовала распространению невежественных представлений и нелепых слухов, появлению духовидцев и боговидцев. «Если уничтожение суеверий, уничтожение шаманства желательно в возможно скором времени, — писал он, — то надо позаботиться прежде всего о распространении между ними (якутами. — И. Г.) реальных знаний и реальных искусств» (стр. 391).

И. А. Худяков отметил беспомощность якутов перед лицом болезней и для оздоровления быта, освобождения «от гнетущей бедности и от удручающих суеверий» предложил при каждом улусе иметь постоянную больницу, где бы каждый больной имел и медицинскую помощь и временный приют на время болезни (стр. 395), учредить ветеринарные пункты, подготовив из среды самих якутов улусных лекарей.

Пламенным призывом к общественности — облегчить тяжелое положение якутского народа, развернуть борьбу за его просвещение — завершается книга.

«Описанию» предпослано небольшое авторское предисловие, где он указывает, «...что его труд нельзя рассматривать, как что-нибудь законченное, полное»; в качестве дополнений приложены представляющие бесспорный интерес для исследователей Якутии «биографии» знаменитых шаманов, список якутских божеств и духов, список прозвищ животных и людей.

В целом работа содержит огромный уникальный познавательный материал о культуре, быте и верованиях якутов XIX в., когда их традиционная духовная культура еще сохраняла много архаических черт.

Не менее ценно и то, что описание построено на основе верхоянской группы якутского народа. В связи с этим работа И. А. Худякова может быть использована и для изучения некоторых вопросов этногенеза якутов. Как известно, по географическим, экономическим и этнографическим признакам якуты подразделялись на ряд групп: амгино-ленскую (центральную), олекминскую, виллойскую, северо-западную (оленекско-нижнеленскую) верхоянскую и колымскую. С историей образования этих этнографических подразделений якутов связаны как проблема формирования якутского этноса, так и вопрос о том, представляло ли переселение предков якутов в Ленский край единовременный акт или протекало в виде отдельных волн.

Благодаря собранным И. А. Худяковым материалам можно сравнить культуру наиболее многочисленной группы якутов, амгино-ленских, с культурой верхоянских и в какой-то степени прояснить вопрос об историческом соотношении этих групп. Хотя детальное сравнение должно стать предметом особой работы, нельзя не отметить, что материалы И. А. Худякова указывают на значительную близость культуры верхоянских якутов с культурой основной массы якутского народа. Этот факт свидетельствует, по нашему мнению, не только о сравнительно недавнем отделении верхоянцев, но и о древней монолитности якутской культуры.

В заключении отметим большую работу, проведенную О. Б. Алексеевой по текстологической подготовке рукописи к печати, а также работу редакторов якутских текстов Г. У. Эргиса, Н. В. Емельянова и П. Е. Ефремова. Они не только провели выверку якутских и эвенских текстов, записанных И. А. Худяковым, снабдили их необходимыми примечаниями, но и перевели якутские и эвенские тексты на современную транскрипцию, облегчив читателю пользование этим материалом.

Книге предпослано краткое предисловие «От редактора», посвященное судьбе рукописи И. А. Худякова и ее археографической характеристике. Содержательная вступительная статья «И. А. Худяков и его „Краткое описание Верхоянского округа“», написанная В. Г. Базановым и Н. В. Емельяновым, знакомит читателя с революционной

и научной деятельностью автора книги, его трагической биографией. В статье spravedливо подчеркнуты публицистическая направленность «Описания», глубокое сочувствие автора к задавленному нуждой якутскому народу. Отметим также, что в книгу помещена и автобиография И. А. Худякова, написанная им по требованию следственной комиссии.

Рецензируемая книга представляет интерес и для специалистов и для читателей интересующихся этнографией Якутии, и заслуживает высокой оценки.

И. С. Гурви

К. В. Вяткина. Очерки культуры и быта бурят. Л., 1969, 218 стр.

Рецензируемая книга принадлежит перу одного из известных советских этнографов — К. В. Вяткиной, знатоку быта и культуры бурятского и монгольского народов. Владея языком бурят и монголов, К. В. Вяткина хорошо знает их жизнь, обычаи, психологию. Она в полной мере знакома с обширной литературой о бурятах и монголах, а также с архивными источниками.

Монография К. В. Вяткиной «Очерки культуры и быта бурят» посвящена зарождению и развитию новых форм культуры и быта этого народа в эпоху построения социализма и развернутого строительства коммунизма. Она состоит из «Предисловия», 3-х глав и пяти основных очерков. «Послесловие» к работе написано редактором монографии, доктором исторических наук профессором Л. П. Потаповым. Правильно объективно оценить достижения бурят в области экономического и культурного развития за годы Советской власти можно только путем сравнения с их жизнью в 1917 г. Поэтому автор дает несколько очерков, кратко характеризующих происхождение бурят, их культуру и быт накануне Великой Октябрьской социалистической революции. В этих разделах К. В. Вяткина решает ряд важных проблем: этногенез бурятского народа, их социальный строй, общественно-политические отношения внутри бурятского общества.

Так, в очерке «Некоторые вопросы этногенеза бурят» автор, используя археологические и этнографические материалы, приходит к выводу, что этнический состав бурят не был однороден. В течение многих веков в основной компонент бурятского народа включались как поздние монгольские элементы, так и тюркские, тунгусские, возможно, также самодийские. В книге убедительно показано наличие общих элементов духовной и материальной культуры у бурят, западных монголов и южных алтайцев.

Большой интерес в очерке «Черты родовых отношений у бурят в дореволюционный период» представляет характеристика родовых традиций в семейно-брачных отношениях, сохранившихся до конца прошлого столетия. К ним относятся: экзогамия, калым, существенная роль сородичей в свадебных обрядах, пережитки материнского рода и др. Анализируя свадебные обряды, К. В. Вяткина приходит к выводу, что все формы вознаграждения за будущего ребенка со стороны отца у бурят и монголов, которые проявляются в калыме и подарках патрилинейной родни, отражают собой компенсацию не только за женщину, но и за ее потомство. Это, по существу, выкуп детей у рода матери, выкуп у тотема матери, что подтверждает такой обряд у бурят, как лейлангут и др. У монголов уплата калыма имела важное юридическое значение: без него родившиеся в браке дети считались незаконными и принадлежали только матери.

В очерке «Занятия и материальная культура бурят в XIX и начале XX в.» дается представление о жизни бурят в условиях кочевого и полукочевого образа жизни. В этом разделе приведены хорошие цветные снимки, характеризующие традиционную одежду бурят.

Вышеупомянутые «Очерки» представляют собой самостоятельное исследование. Редактор книги Л. П. Потапов в «Послесловии» отметил, что очерки по совокупности «представляют собой первую обобщенную этнографическую работу о бурятах, написанную с позиций советской исторической науки». К. В. Вяткина сумела глубоко осветить большинство затронутых вопросов благодаря использованию материалов, собранных лично с 1925 г. в разных районах Бурятии. Однако наиболее ценным и оригинальным вкладом в этнографию бурятского народа является исследование К. В. Вяткиной его жизни и быта в советское время.

Центральная тема в этой части работы — становление новых черт в жизни бурят. Советскому периоду посвящены два очерка: «Социалистическое строительство в Бурятской АССР» и «Хозяйство и культура бурятского колхозного крестьянства».

Рост промышленности на территории Бурятии, как показывает автор, способствовал появлению национальных рабочих кадров, развитию новых путей сообщения, возникновению новых городов и поселков, новых культурных центров, стимулировал развитие сельскохозяйственного производства. С переходом крестьян к оседлости, с укреплением колхозов, механизацией сельского хозяйства, с ростом производительности труда, возникла прочная база для сплочения бурятского сельского населения, а также сближения села с городом.

Экономическое развитие Бурятской АССР было тесно связано с развитием культуры бурятского народа. Автор подробно останавливается на этапах эволюции нацио-